

Источник: Гейдеко В. При ярком свете / В. Гейдеко // Звезда. – 1962. – № 9. – С. 205-207.

ПРИ ЯРКОМ СВЕТЕ

В. Тендряков. Короткое замыкание. «Знамя», 1962, № 3

Как и во многих книгах В. Тендрякова, в основу новой повести положена ситуация исключительная и драматичная.

На высоковольтной линии произошло короткое замыкание, и эта авария сразу же отразилась на работе всей энергетической системы. Встал выбор: или полностью отключить на двадцать минут город от питания или, по возможности, частично снижать нагрузку, дожидаясь часа, когда питающие энергосистему электростанции «сядут на нуль». Отключить город от питания значило: прервется сложная операция в момент, когда у большого, лежащего под наркозом, уже вскрыта грудная клетка; прекратится подогрев питательной среды для ценных бактерий, выращиваемых научно-исследовательским институтом десять лет; выйдут из строя заводы и фабрики; станут трамваи; погаснут уличные фонари, витрины магазинов, гирлянды новогодних елок; а сколько аварий, жертв, которые даже трудно предвидеть!

Такой выбор встал перед руководителем энергосистемы — управляющим Иваном Капитонычем Соковиным и старшим диспетчером Столярским. Прежде чем рассказать, как поступили эти два человека, как их поведение в ответственный момент вскрыло (и во многом объяснило) сущность характеров каждого из них, хочется немного нарушить последовательность течения мысли. Сейчас самое время сказать о некоторых особенностях повести, на мой взгляд, для Тендрякова несколько необычных.

Время действия в повести ограничено всего лишь тремя часами. В восемь часов вечера на квартире Соковина собрались сослуживцы, чтобы вместе встретить Новый год, в девятом часу телефонный звонок известил об аварии на станции, в одиннадцать авария была устранена и гости снова сели за праздничный стол.

Всего три часа, но в этот короткий промежуток времени характеры раскрыты с большой глубиной. Все персонажи повести оказались под пристальным взглядом писателя — автор пылливо всматривается в

них: на что ты способен, что у тебя за душой?

Мы уже знаем о трудной дилемме, вставшей перед Соковиным и Столярским. В те несколько минут, за которые нужно было отдать приказ «отключить город от питания», они узнают друг друга лучше, чем, быть может, за все пятнадцать лет совместной работы.

Начальник планового отдела Шацких не смог сдержаться и неожиданно для себя «выплеснул» (его выражение) все, что так долго тяготило его.

Наконец, даже эпизодические персонажи — вахтер химкомбината, муж и жена, владельцы персонального «москвича» — тоже рассматриваются автором при ярком свете, при котором характеры их видны ясно и четко.

Вот примечательный эпизод.

Муж и жена отвезли на «москвиче» к химкомбинату Вадима. Прошуршала шинами «скорая помощь», увозя погибшего при аварии рабочего. Неподалеку от проходной валяется шапка Вадима (он потерял ее, торопливо надевая противогаз). Вахтер считает, что шапка принадлежала погибшему, и с любопытством рассматривает ее.

Представляется: пустырь, шапка и три фигуры — вахтер, муж и жена. Все детали, подробности отбрасываются, видится только это. Люди смотрят на шапку. И то, какие мысли у них возникают, что они чувствуют при этом, определяет те качества в человеческом характере, которые можно не заметить, зная человека год, три, пять лет, и можно узнать в какие-то несколько исключительных и ответственных минут. Смотрите, как постепенно выявляются эти качества у трех невольных свидетелей гибели человека.

Муж. «Сейчас просто невозможно ехать в гости на встречу Нового года, веселиться, пить, смеяться, отдыхать — шапка мужчины, что всего несколько минут ехал в одной машине с нами, невольно будет стоять перед глазами».

Это самые первые его мысли.

Муж. «Нет, нужно бросить все и сооб-

щить жене погибшего о трагедии. Любкой ценой разыскать ее».

Жена. На вопрос: «Ты помнишь, из какой двери вышел мужичина?» — «Но дом-то большой, разве найдешь?» (Сказано недвусмысленно — стоит ли возиться, нужно ли нам лишнее беспокойство?)

Вахтер. «Чего тревожить? Подождет-подождет мужа, да и поедет праздновать. И пусть себе... Так-то лучше». (В этом «и пусть себе» — продолжение и развитие мыслей жены — ну погиб человек, что же теперь делать? Зачем нам вмешиваться, принимать это близко к сердцу?)

Муж всматривается в физиономию вахтера, на которой не отразилось ни сострадания, ни озабоченности, а виден один лишь легонький интерес («ишь ты, человека нет, а шапка осталась»), и эта безучастность вахтера, духовная глухота настолько отчетливы, что муж думает невольно: «Этот в яму не толкнет, а упади — руку не протянет».

Вся эта сцена заняла буквально несколько минут. Но мы за это короткое время узнали людей со стороны, которая может оставаться неясной многие годы. Небольшой эпизод становится испытанием человечности каждого из его участников.

Писатель умышленно оставляет в тени все остальные качества персонажей, ограничивается минимальными сведениями о них. Автора интересует оценка человека в его основе, сущности, он хочет видеть его в момент «короткого замыкания». О муже и жене автор сообщает: «Они жили жизнью, которую принято похвально называть простой. И она действительно была проста, как то заснеженное поле, среди которого они сейчас ехали, сколько ни оглядывайся ни вперед, ни назад, не на чем зацепиться». И все. Но, пожалуй, добавлять больше ничего и не нужно, два эти предложения сказали все о привычном, обыкновенном в жизни героев, теперь же мы увидим их при «коротком замыкании», в те немногие минуты, которыми можно поверять годы.

Не трудно догадаться, что выбранный автором прием — раскрытие человеческого характера в исключительные моменты жизни, когда подчеркнуто избегается, сведено к минимуму всеостороннее, многообразное знакомство с героем — таит немалые трудности. И основная из них — даже не в том, чтобы в немногие минуты раскрыть человеческий характер ярко, выпукло, четко (В. Тендряков последней повестью еще раз подтвердил свое умение делать это с большим мастерством), а в том, чтобы обстоятельства, при которых раскрываются такие важные в человеке черты, были оправданы, уместны, естественны, не выглядели специально «подстроенными» автором.

Почти всегда это удается писателю. Но прочтите пылкий монолог Шацких и скажите: так ли естественна и убедительно оправдана обстановка, при которой он признается в своей робости? Сам монолог написан прекрасно. Смотрите, как четко вы-

рисовывается сущность натуры Шацких, когда он говорит о постоянном напряжении, каком-то неясном страхе, охватившем его после неожиданного повышения на работе: «Казалось бы, удача, казалось бы, живи и радуйся. А я боюсь, что Иван Капитоныч завтра опомнится и вместо того, чтобы хвалить, скажет: „Э, ты не тот, за кого тебя принимал“. Боюсь, что кто-нибудь скажет что-либо Ивану Капитонычу. Боюсь встречаться с ним по утрам. Боюсь, когда зовет к себе, боюсь, когда долго не зовет. И хвалит — страшно, и равнодушно говорит — страшно».

Ясно, что такому человеку в самых тайных и тревожащих его мыслях «и признаться — страшно, и не признаться — страшно». Поэтому не совсем естественным и убедительным выглядит признание Шацких среди гостей, в доме Ивана Капитоныча. Правда, в какой-то мере неожиданность объяснена его словами: «У меня всегда так: то молчу, в себе зажимаю, то вдруг ни с того ни с сего выплесну». Однако эта мотивировка случайна. Она не связана с влиянием обстоятельств.

«Подстроенность» признания Шацких — исключение, заметное, быть может, только потому, что все остальные эпизоды, где человеческий характер раскрывается при «коротком замыкании», во всем естественны, оправданы. И прежде всего, очень естествен «стержневой» эпизод, раскрывающий противоположность характеров Соковина и Столярского. Мы вернулись сейчас к прерванному в начале рассказу о трудном выборе, который встал перед руководителями энергосистемы. Итак, что делать — отключить город от питания, возложив на себя ответственность за возможные аварии на заводах, гибель людей, или ожидать, пока «выдохнутся» электростанции, чтобы бедствия в городе произошли словно механически, чтобы вина не легла на руководителей энергосистемы?

Знал ли главный диспетчер, что нужно не уменьшать нагрузку, а сразу же отключить город от питания, ибо «ложкой моря не вычерпать»? Конечно, знал. Так почему же он тогда медлил, не решился ничего предпринять до прихода управляющего? В руках его были все полномочия, ведь Соковин отдал распоряжение отключить город от питания не как управляющий, а как главный диспетчер, лицо, облеченное самыми высокими в диспетчерском зале правами. Почему же не решился на такой шаг Столярский?

И опять, как во многих сценах повести, В. Тендряков рассматривает героев в момент «короткого замыкания». Несколько небольших, но исключительно напряженных диалогов Соковина и Столярского выразительно передают излишнюю осмотренность, скованность помыслов Столярского, раскрывают, как он «всю жизнь изо дня в день жил в опаске, всегда чего-то боялся — листка бумаги с официальным грифом, телефонного звонка в нерабочее время, а больше всего боялся гнева самого Ивана Капитоныча. Шел с оглядкой, не

осмеливался ступить дальше отмеренного, а еще мечтал о звездном часе, о дерзновении, о проявлении каких-то дремлющих сил. Где уж дерзновение!»

При ярком свете рассматривает автор всех героев повести. Для каждого есть свой спектр: семнадцатилетней Елочке важно не растерять (а вахтеру — обрести) талант человечности, Шацких и Столярскому — освободиться от плена жизненной робости, бескрылости. Раздумье о судьбах всех героев повести собирает в фокус авторский вопрос: «Через пять минут Новый

год, триста шестьдесят пять новых дней. Как их прожить? Стоит подумать».

«Стоит подумать»... Новая повесть В. Тендрякова дает толчок многим мыслям, заставляет задуматься о судьбах так не похожих друг на друга людей, характеры которых автор раскрыл при ярком свете, требовательно и жестко высветив черты, мешающие человеку быть человеком настоящим, достойным жить в коммунистическом обществе.

В. Гейдеко

Стврополь